

Сергей
Иванов

Блаженные похабы

культурная история
юрродства

Новое издание,
дополненное
и переработанное

издательство **АСТ**

Москва

Оглавление

<i>Предисловие ко второму изданию</i>	9
<i>Предисловие к первому изданию</i>	12
<i>Введение</i>	17
Глава 1. Предтечи и питательная среда юродства	26
Глава 2. Монастырские симулянты	47
Глава 3. Блудники и попрошайки	60
Глава 4. Святой дебош	83
Глава 5. “Второе издание” юродства	106
Глава 6. “Новые богословы”	133
Глава 7. Балансируя на грани	146
Глава 8. Закат юродства	169
Глава 9. Древнерусское “похабство”	188
Глава 10. “Похаб” и царь	214
Глава 11. “Похабство” накануне Нового времени	233
Глава 12. Искоренение и неискоренимость юродства	262
Глава 13. Восточная периферия юродства	276
Глава 14. Западная периферия юродства	287
<i>Заключение</i>	306
<i>Примечания</i>	320
<i>Библиография</i>	403
<i>Указатель имен</i>	449

Глава 1

Предтечи и питательная среда юродства

I

Христианство зародилось в недрах иудаизма, но в своем развитии очень быстро оказалось привито к древу эллинистической культуры. Логично предположить, что у того явления, которое мы исследуем, корни тоже были как иудаистские, так и греческие. Разумеется, о корнях здесь можно говорить лишь условно: христианство глубоко отличается от других, пусть и влиявших на него культурных систем, так что и понятие святости в нем особое, не языческое греческое и не библейское¹. И тем не менее новая религия не могла не опираться на какие-то существовавшие в обществе культурные стереотипы. Посмотрим же, каким было отношение к разыгранному, культурно интерпретированному безумию на Ближнем Востоке и в античной Греции.

Странное, подчас парадоксальное с обыденной точки зрения поведение — отличительная черта библейского пророка: Осия взял в жены блудницу (Ос. 1:2), Исайя разделся и ходил нагим (Ис. 20:2), Иеремия носил на шее ярмо (Иер. 27:2), а Седекия — железные рога на голове (3 Цар. 22:11), Иезекииль лежал 390 дней на левом боку и 40 — на правом (Иез. 4:4–6). Иногда пророк идет по пути открытой провокации, весьма напоминающей юродскую.

Один человек из сынов пророческих сказал другому, по слову Господа: бей меня. Но этот человек не согласился бить его. И сказал ему: за то, что ты не слушаешь гласа Господня, убьет тебя лев, когда пойдешь от меня. Он пошел от него, и лев, встретив его, убил его. И нашел он другого человека, и сказал: бей меня. Этот человек бил его до того, что изранил побоями (3 Цар. 20:35–37).

Как впоследствии и юродивого, истинного пророка трудно отличить от ложного (Второзак. 18:20–22). Как и юродивого, его принимали за безумца (4 Цар. 9:11; Ос. 9:7; Иер. 29:26). Во всех этих контекстах пророка называют древнееврейским словом *meshuggah* — “сумасшедший”².

И все-таки ветхозаветный пророк принципиально отличается от юродивого, и отличие это коренится в специфике ближневосточной культуры. Если в юродивом до самой его смерти невозможно распознать святого, то пророки несут на себе особые отличительные знаки (3 Цар. 20:41). Они составляли отдельную касту, и когда кто-нибудь не из их числа также начинал пророчествовать, это воспринималось с удивлением (1 Цар. 19:24; Амос. 7:14–15). Безобразия пророка — не безобразия, а знаки, зловещие намеки, подлежащие истолкованию (ср. Иер. 43:9). Он как бы лишен своей человеческой сущности, говорит только от имени Бога, причем иногда против своей воли (1 Цар. 18:10). Пророк — лишь посредник: он может страдать от своей миссии (Иер. 20:14–18), может упрекать Бога (Иер. 14:9), но отвергнуть Его выбор не в силах. Он — избранный, и это данность. Из-за этого совершенно иными, чем в христианстве, оказываются понятия греха, благодати, святости — всего того фона, на котором только и можно разглядеть юродивого. В самом деле, как мы увидим дальше, Андрей Юродивый тоже боится вступить на свою стезю и пламенно молится Богу, прося Его подтвердить Свое решение (см. с. 119), но выбор святого все равно остается его личным выбором, и он сам несет ответственность за все совершенное потом.

В библейской ситуации по-особому решается и проблема безумия. С точки зрения Ветхого Завета, истинно глуп *nabal* — тот, кто не воспринимает требований Бога (Ис. 32:6). “Начало мудрости — страх Господень” (Прит. 9:10, ср. 1:7). Глупостью было лишь нераспознавание Божьей воли³; в греческом переводе Ветхого Завета — Септуагинте — народ назван *μωρός καὶ ἀκάρδιος* (глупым и неразумным), когда у него “есть глаза — и не видит, есть уши — и не слышит” (Иер. 5:21). Но в целом слово *μωρός* не очень популярно в греческой версии Ветхого Завета: “семьдесят толковников” чувствовали, что оно не имеет адекватного соответствия в еврейской терминологии⁴.

Разумеется, Библия знала и “бытовое” безумие: Септуагинта называет “настоящего” сумасшедшего *ἐπίλημτος*. Любопытен в свете проблемы притворного безумия эпизод, когда Давид при дворе царя Анхуса из соображений безопасности

изменил лицо свое пред ним и притворился (*προσεποιήσατο*)... и упал у ворот, и слюна его стекала по бороде его. И сказал Анхус рабам своим: Вот, вы видите, что этот человек безумен (*ἐπίλημτος*). Ради чего вы привели его ко мне? Или я испытываю недостаток в безумцах, что вы приводите этого, чтобы и он безумствовал (*ἐπίλημτεύεσθαι*) предо мной? (1 Цар. 21:13–15; ср. Псалом 33)⁵.

Но как раз это притворное безумие не имеет ничего общего с идеей святости^{6–8}.

Несмотря на все различия между библейским праведником и христианским юродивым, сама поза одинокого избранника Божия, презираемого бессмысленной толпой, несомненно, “одолжена” православием у иудаизма. В этом смысле очень характерно позднебиблейское сочинение “Премудрость Соломонова”:

Встанет праведник в великом дерзновении пред лицом обижавших его... И скажут они, раскаявшись: “Это тот, над кем

мы, неразумные (οἱ ἄφρονες)... смеялись... Мы считали его жизнь безумием (μανίαν)... и его кончину бесчестной. Каким же образом он сопричислился к сынам Божиим, а удел его — среди святых?» (Sapientia Salomonis, V. 1 — 5).

II

Теперь обратимся к античной Элладе. Воплощением греческой идеи о том, что истинная мудрость может скрываться под маской глупости, был Сократ. Платон говорит о нем, что он

всю свою жизнь морочит людей притворным самоуничтожением (εἰρωνευόμενος δὲ καὶ παίζων πάντα τὸν βίον πρὸς τοὺς ἀνθρώπους διατελεῖ). Если послушать Сократа, то на первых порах его речи кажутся смешными, и кажется, что говорит он всегда одними и теми же словами одно и то же, и поэтому всякий неопытный и недалекий человек готов поднять его речи на смех. Но если раскрыть их и заглянуть внутрь, то сначала видишь, что только они и содержательны, а потом — что речи эти божественны⁹.

Хотя сам Сократ и не был признан христианством¹⁰, однако парадигма как таковая уже задана: истинная мудрость скрыта от глаз, и глупцам она кажется глупостью.

Важным культурным явлением, оказавшим некоторое влияние на юродство, считается греческий кинизм¹¹. Тут следует различать несколько уровней преемственности. Во-первых, общее воздействие адептов этой философской школы на ранних христиан. Император Юлиан утверждает, что у “нечестивых галилеян” и киников много общего¹². Ипполит описывает жизнь христианина Татиана как “киничнейшее” житие (κινικότερος βίος) (Hippoliti Haeresis X, 18)¹³. Во-вторых, следует отметить, что агиографы, описывая жизнь юродивых, специально заостряли внимание на “ки-

нических” чертах их поведения (о чем мы подробнее поговорим ниже).

Если для библейского пророка вызывающее поведение таковым как бы и не является, ибо вызов исходит не от человека, то философ-киник своей раскрепощенностью осуществляет высшую свободу. Он обличает поверхностные представления и низвергает ложных кумиров не от имени божества, но авторитетом собственной мудрости. Защищая классический кинизм от его позднейших эпигонов, Юлиан так формулирует основной принцип этой философии:

Я не имею в виду, что мы должны быть бесстыжими перед людьми и делать то, чего делать не положено. Но все, от чего мы воздерживаемся, и все, что мы делаем, давайте... делать или не делать не потому, что толпе это кажется красивым или безобразным, а потому, что это запрещено разумом и нашим богом, то есть рассудком... Толпа же пусть следует общему мнению — это лучше, чем если бы она была вовсе бесстыжей (*Juliani Oratio VI, 196D*).

Если поведение пророка — своего рода спектакль, предполагающий замороженную аудиторию, то для киников, по мнению Юлиана, “главной целью было достичь блаженства, и, я думаю, они интересовались другими лишь постольку, поскольку понимали, что человек по природе существо политическое” (*Ibid.*, 201C).

Киники не желали говорить ни от чьего имени, кроме собственного. Пророчеств они вообще не любили, над оракулами жестоко издевались, ибо человек, с их точки зрения, абсолютно свободен. Юлиан вынужден признать, что “Диоген не посещал храмов, не поклонялся статуям и алтарям” (*Ibid.*, 199 B).

Юродивый сочетает в себе черты пророка и киника¹⁴. С одной стороны, его экстравагантность, в отличие от философской, сакрализована. С другой же, поскольку христиан-

ство наделяет человека свободой воли, постольку дебош юродивого есть все-таки именно дебош, а не сакральное действие, как у пророка.

Теперь перейдем к анализу собственно христианских истоков юродства.

III

Молодая религия дерзко порвала с обеими традициями, ее формировавшими: она предлагала уверовать в чудо, не объемлемое эмпирическим разумом, но и противоречившее библейской традиции. Греческий язык Евангелий еще несет на себе отпечаток арамейского словоупотребления. Так, Иисус произносит слова *μωρός*, “глупый” (Мф. 5:22; 23:17; 19), и *ἄφρων*, “неразумный” (Лк. 12:20), еще вполне в “иудейском” смысле, имея в виду отвержение Божьей воли¹⁵, но уже апостол Павел, рассуждая о разуме и глупости, исходит из греческих аксиом “здорового смысла”. Так что в раннехристианском контексте даже похвала глупости содержит в себе молчаливое признание примата разума. В этой перспективе перечтем классические строки из Послания апостола Павла к Коринфянам:

Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие... Но Бог избрал глупость¹⁶ мира, чтобы посрамить мудрых... Кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным... Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом (1 Кор. 1:20–27; 3:18–19).

В позднейшие века эти слова служили теоретическим обоснованием юродства. Однако Павел никакого юродства еще не знает. Мало того, само словосочетание, которое впоследствии стало “техническим термином” для обозначения

юродивых, $\mu\omicron\rho\omicron\iota\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\nu$, родилось из некоторого недо-разумения. Когда Павел обращается к своим коринфским ученикам: “Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии” (1 Кор. 4, 10), он иронизирует¹⁷. В действительности апостол, конечно, намекает, что все обстоит наоборот: это он мудр во Христе, а вовсе не неофиты-коринфяне!

Рассуждения Павла о “глупости ради Христа” должны восприниматься в контексте споров о языческой мудрости, которые велись тогда среди христиан¹⁸. Многочисленные раннехристианские богословы, уделившие довольно много внимания комментированию этого места из Послания Павла к Коринфянам¹⁹, не “считывают” его иронического пласта. Они исходят из того, что апостол сформулировал особый вид христианской глупости, которая в действительности мудра. Однако никакого “юродства” как особого явления симулируемой глупости они не знают²⁰.

Понятия “мудрость” и “глупость” имели в раннем христианстве по два значения: светское, общепринятое для эллинистического мира, и сакральное, привнесенное из иудаизма. “Наименование “мудрец” омонимично, — пишет Василий Кесарийский. — Мудрыми называются как те, кто мудр в здешнем мире, так и те, кто воспринял истинную мудрость — Господа нашего... из веры в Него”²¹. Эта двойственность хорошо заметна у раннехристианских авторов. Например, Татиан, обращаясь к язычникам, прибегает к их понятию о глупости: “О мужи эллины, мы не безумствуем ($\omicron\upsilon\ \mu\omicron\rho\alpha\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu$)... когда говорим, что Бог принял человеческое обличье” (*Tatiani Oratio ad Graecos*, 21:1). А вот Игнатий Антиохийский в Послании к Эфесеянам оперирует специальным христианским понятием глупости: “Почему не все мы стали разумны ($\phi\rho\acute{o}\nu\iota\mu\omicron\iota$), хотя и познали Бога? Почему мы уми-раем в глупости ($\mu\omicron\rho\omega\varsigma$)”?²²

Речь, разумеется, шла не о “практическом разуме”: ясно, что земной практицизм, хоть и признавался неизбежным атри-

бутом человеческой природы, выглядел верхом глупости для всякого христианина. Псевдо-Афанасий Александрийский писал:

Люди называют умными (φρονίμους) тех, кто умеет... покупать и продавать, вести дела и отнимать у ближнего, притеснять и лихоимствовать, делать из одного обола два, но Бог считает таких глупыми и неразумными и грешными... Бог хочет, чтобы люди стали глупы (μωροὺς) в земных делах и умны (φρονίμους) в небесных... Мы называем умным того, кто умеет выполнять Божью волю²³.

Однако преклонение перед божественным вовсе не лишает христианина способности по-земному отличать глупых людей от умных. Мало того, Ориген, к примеру, явно гордится своим изощренным интеллектом:

Ведь нужно совсем немного, малая часть Божьей глупости, чтобы... мирская мудрость была посрамлена... Вот пример: если я, знающий очень много, столкнулся с недоумком и неучем, ничего не понимающим и не [умеющим] спорить о каких-либо высоких предметах, разве понадобятся мне диалектика или глубокие рассуждения, чтобы уличить глупость (μωρία) его мыслей? Разве не хватит мне одного словечка, чуть более изысканного, чем его словарь, чтобы доказать его глупость (μωρίαν)?²⁴

В своем знаменитом сочинении “Против Кельса” Ориген еще более настойчив: “Мы не говорим, что глупость хороша вообще... Гораздо лучше веровать в догмат с рассуждением и мудростью, чем с голой верой”²⁵. Многие отцы церкви усматривали опасность в такого рода интеллектуальном самодовольстве и призывали к смиренномудрию. Например, Василий Кесарийский призывал “отбросить всякое кичение разумом”²⁶. Иоанн Златоуст утверждает, что “необходимо с верой принять сказанное, а не любопытствовать дерзостно... обуз-

дать собственные рассуждения, пребывающие в состоянии неуместного беснования”²⁷.

Раннехристианские богословы сходились в том, что земная мудрость ничтожна по сравнению с Божественной, но подчас признавали за ней и крохотное самостоятельное достоинство. У отцов церкви не отмечается воинствующего антиинтеллектуализма. Дидим Слепец пишет: “Если речь идет о вещах малозначимых и житейских... пусть себе выворачивают все наизнанку со своей аристотелевой логикой и красноречием!”²⁸

Правда, раннехристианские авторы любили употреблять слово ἰδιότης (“идиот, простец”) применительно к христианам и особенно к апостолам. Но слово это не имело тогда своего нынешнего значения. В древнегреческом языке оно безоценочно прилагалось к людям замкнутого образа жизни и к не занимавшим общественных должностей. Античное общество не одобряло подобного эскапизма: он возбуждал подозрение, что человек не просто не хочет, но и по каким-то причинам не может отправлять государственные обязанности. Термин все чаще получает (особенно в заимствовавшей его латыни) ругательный оттенок и уже в таком виде достается христианам. Когда отцам церкви надо доказать, что апостолы действовали не от своего имени, но от Божьего и что успехами своими те обязаны отнюдь не собственным достоинствам (весьма частое рассуждение), они не скупятся на нелестные эпитеты, которые должны оттенить весомость высшего вмешательства: апостолов называют, среди прочего, и ἰδιόται²⁹. Однако в контексте рассуждений о евангельской “глупости Христа ради” это слово не употребляется никем и ни разу.